

Вадим ЯРМОЛИНЕЦ

*Вадим Ярмолинец родился в 1958 году в Одессе. Окончил факультет романо-германской филологии Одесского университета, работал в газетах «Моряк» и «Комсомольская искра». В 1989 году эмигрировал в США, работал в газете «Новое русское слово». Публикации в журналах «Октябрь», «Новая юность», «Новый журнал», «Вопросы литературы», «Новый мир» и др. Автор пяти книг прозы. Постоянный автор журнала «Волга».*

## РАССКАЗЫ О СМЕРНОВСКИХ

### Медведь

В один из дней индейского лета я иду по парку. Под ногами – пестрый ковер опавшей листвы. Прищурив глаза, деревья превращаются в цветные пятна – зеленые, желтые, оранжевые. В тишине слышно, как белка, шорхнув листвой, схватит желудь и взлетит по дереву. Вцепившись коготками в кору, замрет на секунду-другую, потом новый бросок вверх.

Боковым зрением я замечаю, как справа от меня что-то темное движется в просветах между деревьями. Побежит на четырех лапах, потом встанет на задние за ствол, вытянется, чтобы не заметили. Выждав, пока я пройду дальше, бежит к следующему дереву. Медведь! И вот он уже рядом. Встав во весь рост, разбросал лапы, закинув голову и раскрыв пасть, рычит, но не угрожающе, а словно радуясь тому, что обман удался, жертва не ушла.

Я пытаюсь бежать, но окаменевших ног не оторвать от земли. Когда чудовище обрушивается на меня, я успеваю ощутить его обжигающее дыхание, потом его челюсти сходятся на моей шее.

Мир меркнет.

О, Господи, что же это со мной? Мне невыносимо тесно. Я сдавлен со всех сторон. Дышать тяжело. Видимо, медведь проглотил меня целиком, потому что я по-прежнему ощущаю все свое тело. С трудом, но двигаю им. Мир, размытый хрусталиками близоруких медвежьих глаз, начинает медленно проступать передо мной в узнаваемых деталях.

Замерев за большим каштаном, мы смотрим на аллею. Мы слышим шорох листвы под чьими-то ногами. Звук становится все отчетливее. Ш-шурх, ш-шурх, ш-шурх. Выглядываем – это женщина! Ее рыжие волосы горят на солнце. Мама! «Мама, – хочется кричать мне, – беги! Беги!» О-о, как я хочу вырваться из своего мучительного плена! «Мама!» Она не слышит, а медведь поглаживает себя по груди, словно хочет успокоить меня.

Он легко перебегает к следующему дереву, потом еще к одному, а когда мать совсем недалеко, ступает на аллею и, зарывав, поднимается на задние лапы.

Мать замирает. Сбив пепел с сигареты, отбрасывает ее. Да, да, она курит, я знаю, это – ужасно, но ничего не могу поделать, да и какая теперь разница?! Откинув челку со лба, отступает. Едва заметно пригнувшись, она достает из сапога тонкое длинное лезвие и

прячет его за спиной. Медведь, кажется, этого не замечает. Или не понимает, что она делает. Еще бы! Далеко не каждый посетитель парка носит в сапоге клинок настоящей дамасской стали! Медведь встает на задние лапы, поднимает передние, страшно мотая косматой головой, рычит и делает роковой шаг. Его рев оглушает меня, и я чувствую, как ледяная игла колет мое сердце.

– Сыночка-а, – слышу я голос матери. – Просыпайся!

Я открываю глаза. Мать стоит надо мной. Солнце льется в открытое окно.

– Мама, – говорю я, – ты убила медведя?

– Медведя? – как будто удивляется она. – Какого медведя?

– Который напал на меня, а потом на тебя.

– А-а, этого. Этого, конечно. Вставай!

## НЛО

На Новый год папа покупает НЛО. Его доставляют в большой картонной коробке с надписью «Неопознанный летающий объект. Версия 0.1. Сделано в Китае». Все остальное – крохотными иероглифами – без словаря не разберешься.

Мы освобождаем НЛО от упаковки. Это плоский черный диск около метра в диаметре, толщиной в несколько дюймов. Время от времени на нем вспыхивают крохотные огоньки. В комплекте – пульт дистанционного управления.

Папа нажимает кнопку «вверх». Диск послушно отрывается от пола и зависает на высоте пяти футов. Внезапно из него вырывается плоский голубой луч, который сканирует папу, потом нас.

– Это он с нами знакомится, – объясняет папа.

Он дает команду НЛО опуститься на пол, но вместо этого черный диск медленно облетает гостиную, затем направляется в столовую, оттуда – в кухню, потом посещает одну за другой наши спальни и ванные комнаты. Мы ходим за ним по пятам, при этом папа безостановочно давит на кнопки – НЛО совершенно не реагирует на его команды. Наконец диск замирает на том же месте, с которого отправился в свой первый полет.

– Китайское барахло! – в сердцах папа бросает бесполезный пульт.

После этого он пытается вернуть НЛО в коробку, но оказывается, что теперь его невозможно сдвинуть с места! Папа утирает вспотевший лоб. Что-то тут не так!

– Надо позвонить им, и пусть вернут деньги! – советует дед. – Вещица явно бракованная.

Первой общий язык с НЛО устанавливает бабушка. Как выясняется, черный диск прекрасно реагирует на ее голос.

– Цыпа-цыпа-цыпа, – зовет его бабушка, и НЛО послушно следует за ней. Проходит совсем немного времени и она уже пользуется им как столиком. Сначала, накрыв его красивой кружевной салфеткой, они с дедом пьют за ним чай, потом играют на нем в домино. Когда дед бьет камнем по черной поверхности, НЛО звонким детским голосом кричит: «Рыба!» и хохочет.

– Вот же, шалопай! – бабушка перемешивает камни для новой партии.

Следующими с инопланетянами устанавливаем связь мы с Антоном. Мы забираемся на диск, и он катает нас по дому. Возвращаясь к отправной точке маршрута, он звенит как старомодный трамвай и объявляет дедушкиным голосом:

– Автовокзал, Староконный рынок. Вагон идет в депо.

Мы спрыгиваем с НЛО и, дождавшись, пока на нем загорятся зеленые лампочки, залезаем снова.

В пути НЛО исполняет популярные мелодии из мультфильмов, сквозь которые до нас долетают отрывки папиных телефонных переговоров: «Нет! Нет! Я не говорю по-китайски!» Или: «Ну, хоть инструкцию вы можете мне прислать?!»

Перед ужином папа сообщает, что фирма-изготовитель НЛО закрылась и обращаться с претензиями не к кому.

– Фирма-ширма! – говорит дедушка. – Какой-то китаец из Флашинга нашел эту штуковину на мусорке, продал ее на вашей интернет-барахолке и теперь – ищи-свищи!

Ночью я просыпаюсь от холода. Укутавшись в одеяло, подхожу к открытому окну. НЛО висит над заснеженным двором, по краям которого я замечаю движение. Я всматриваюсь. Это – еноты. Я узнаю их по полосатым хвостам. Никогда не представлял, что их так много в нашем районе! Их становится все больше, и прибывающие выталкивают из темноты тех, кто уже давно во дворе. Э-а, да тут не только еноты! Я вижу зайцев, пару-тройку опоссумов и еще – дюжину соседских котов. Но что привело их сюда?!

Вдруг НЛО окрашивается в чудесный оранжево-сиреневый цвет. Он меняется в оттенках, и животные замирают, замороженные им, как путник, увидевший в бескрайней степи спасительный огонек дома.

Свет НЛО становится ярче, ярче, и теперь мне хорошо видно, как каждый енот, каждый зайчик и дворовая кошка, вытянувшись в струнку, прикладывают правую переднюю лапку к виску, а скорее, к уху, отдавая свою звериную честь воздушному огню.

И вдруг огонь начинает подниматься. Выше, еще выше, быстрее, быстрее, потом ослепительно вспыхивает и превращается в далекую звезду, одну из мириадов сияющих над нами.

И тогда вся окрестность оглашается горьким-горьким то ли воем, то ли плачем, каким плачет потерявшаяся в безбрежной вселенной душа бедного странника. Горячие слезы брызжут у меня из глаз, и я присоединяюсь к общему хору.

### **Пляж тысячи соборов**

Мы едем по стране гортензий, эвкалиптов и кукурузы. Отец – за рулем, мать с картой в руках, подсказывает ему направление. Наш путь лежит к Пляжу тысячи соборов. Во время отлива огромные скалы поднимаются там к небу, как шпили огромных соборов.

Каждые десять минут мама торжественно объявляет: до Пляжа тысячи соборов осталось 100 миль! И подмигивает мне, сидящему на заднем сиденье.

Когда до пляжа остается 10 миль, мы въезжаем в туман. Сначала еще по его краям различимы деревья и дома, но скоро все исчезает в белой дымке. Папа снижает скорость и докладывает, что едва различает желтую разделительную полосу на дороге. Иногда слева перед нами появляются и исчезают сопровождаемые тревожными вскриками сирены два желтых пятна. Это – фары встречных машин.

Внезапно справа возникают черные рогатые головы. «Му-у-у», – плачут они, как и мы, потеряв ориентацию. Слева блеет кто-то невидимый и возможно тоже рогатый.

Наконец туман становится реже и мы видим зеленую вывеску: «Пляж тысячи соборов».

«Приехали!» Мама хлопает в ладоши.

Оставив машину, мы идем к берегу. Пляж – под нами. Вода отступила, и мы видим поднимающиеся из песка скалы. Они не похожи на соборы. Они похожи на суставчатые пальцы каменного великана, который пытался ухватиться за берег, но песок засосал его. Остались одни пальцы.

Мы спускаемся на пляж и ходим между наклонных столбов. Они покрыты мелкими черными ракушками и зелеными водорослями. О том, где начинается океан, можно судить по узкой полосе кипящего невдалеке прибоя.

Родители фотографируются на фоне скал. Мама принимает смешные позы, изображая то бегуна, то прыгуна, то балерину. Туман между тем возвращается. Мы пытаемся найти дорогу назад по оставшимся на песке следам, но проступившая из-под него вода растворила их. Разбросанные тут и там лужи растут на глазах и сливаются в одну большую. Вода уже доходит до щиколок. Веселье покидает лицо мамы.

– Как же мы отсюда выберемся? – спрашивает она.

– По навигатору, – уверенно отвечает папа и достает телефон.

Где-то далеко, не понять где, звонит колокол.

– Ну и дела, – говорит папа, медленно растворяясь в воздухе.

– Что случилось? – спрашивает тоже уже невидимая мама.

– Батарейка села. Наверное от сырости. Но это не беда, главное не терять самообладание.

– Хоть бы друг друга не потерять, – говорит мама. Она крепко сжимает мою руку, и это меня немного успокаивает.